

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ИССЛЕДУЯ НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИСПОЛЬЗУЯ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

УДК 910.1

СПЕЦИФИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© 2022 г. В. Н. Стрелецкий^{а, *}, С. А. Горохов^{а, б, **}

^аИнститут географии РАН, Москва, Россия

^бИнститут Африки РАН, Москва, Россия

*e-mail: vstreletski@mail.ru

**e-mail: stgorohov@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.01.2022 г.

После доработки 16.01.2022 г.

Принята к публикации 22.02.2022 г.

Задача статьи — обзор и анализ трендов развития российской культурной географии начала XXI в., ее специфических особенностей и новейших научных достижений на фоне эволюции культурной географии в странах Запада. Выявлены сходства и различия в характере трансформации основных теоретических подходов, научных методов и предметных областей конкретных культурно-географических исследований в зарубежных странах и России. Важнейшие тематические разделы статьи охватывают наиболее значимые сегменты культурно-географических исследований в России в 2000-е — начале 2020-х годов. Показано, что главным фокусом становления российской культурной географии (после нескольких десятилетий забвения антропокультурных подходов в советский период) стало культурное ландшафтоведение. Охарактеризованы новейшие разработки российских культур-географов в области культурного ландшафта за первые десятилетия XXI в. Отечественная этническая география, в советский период развивавшаяся как часть географии населения, постепенно трансформируется в этнокультурную. Большое внимание уделяется соотношению этнической и региональной идентичности в полиэтничных регионах, этнокультурным аспектам географии природопользования, культурной географии коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока. Конфессиональная география — для России новое направление культурной географии, приобретшее большую актуальность в постсоветский период в условиях возрождения религиозной жизни в стране, отличающейся исключительной сложностью и мозаичностью конфессионального состава населения. В статье рассматривается и анализируется опыт российских разработок в области гуманитарной географии — совокупности исследовательских направлений, сфокусированных на изучении систем представлений о географическом пространстве в разных социокультурных контекстах. Подчеркиваются большая практическая значимость культурно-географических исследований и возможности их использования для целей регионального развития и оптимизации пространственной организации общества.

Ключевые слова: общественная география (география человека), культурный поворот в географии, культурная география, место и пространство, культурный ландшафт, территориальная идентичность, русская/российская географическая традиция

DOI: 10.31857/S2587556622030141

ВВЕДЕНИЕ

Культурная география — одно из наиболее успешно развивающихся и авторитетных научных направлений мировой географии человека (*human geography*), сложившееся как самостоятельная ветвь географической науки к концу первой четверти XX в., в значительной степени как наследница прежней единой антропогеографии. Культурная география имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: в своем развитии она интегрировала богатейший научный опыт самых разных географических дисциплин (как физической географии, так и, прежде всего, смеж-

ных дисциплин географии человека), а также культурной и социальной антропологии, этнографии и выросшей из нее современной этнологии, этнической и культурной экологии, социологии, социальной психологии, исторической и философской антропологии и др.

Тем не менее культурная география однозначно позиционируется как структурная часть именно географической науки; в структуре западной географии человека ее, как правило, рассматривают как одну из четырех основных ветвей последней (наряду с социальной, экономической и политической географией). Научных определе-

ний культурной географии существует очень много; отчасти это связано с многозначностью самого термина “культура”, на что справедливо обращает внимание Патрисия Прайс, автор культурно-географического раздела в знаменитом *The Sage Handbook of Human Geography* (2014, p. 505–521). Несмотря на обилие дефиниций культурной географии (Gibson and Waitt, 2020), главным предметом ее исследования со времен Карла Зауэра считалось выявление пространственных различий в культуре; более широкий и стереоскопический взгляд стал укореняться с последних десятилетий XX в.

Культурная география в позднесоветской и постсоветской России в своем развитии, наряду с возрождением интереса к традициям дореволюционной русской антропогеографии, испытала сильное влияние западных научных образцов и подходов. Предмет культурной географии трактуется российскими учеными очень широко; так, одним из авторов данной статьи она позиционируется как “научная дисциплина, изучающая культуру в географическом пространстве, пространственную дифференциацию ее элементов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также отображение географического пространства в самой культуре” (Социально-экономическая ..., 2013, с. 119).

История формирования российской культурной географии отчасти уже освещалась в работах российских географов (Митин, 2011; Стрелецкий, 2008; Druzhinin and Streletsky, 2015; и др.). В фокусе внимания данной статьи – обзор и анализ специфики развития российской культурной географии начала XXI в., ее важнейших исследовательских направлений и новейших научных достижений в контексте мировых тенденций эволюции этой научной дисциплины.

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ К НАЧАЛУ XXI ВЕКА И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В РОССИИ

За XX в. мировая культурная география претерпела грандиозную трансформацию. Как самостоятельная наука она выросла из единой антропогеографии, отпочковавшись от нее и испытав особенно сильное влияние немецкой школы Ф. Ратцеля и французской школы П. Видаля де ла Блаша, а также унаследовав от своей прародительницы два важнейших научных подхода – пространственный и средовой. Принято считать, что первой собственно культурно-географической научной школой была Берклийская (Калифорнийская) школа культурного ландшафта, основанная Карлом Зауэром в 1920-е годы, хотя многие элементы его концепции были в разной степени представлены и в трудах предшественников-антропогеографов.

Вплоть до начала последней четверти XX в. подход К. Зауэра и его последователей однозначно доминировал в мировой культурной географии. Культура интерпретировалась как активное начало во взаимодействии с природной средой, природный ареал – как посредник (фон) человеческой деятельности, а культурный ландшафт – как результат их контакта (Sauer, 1925). Культурную географию 1930–60-х годов отличали: последовательный сциентизм, объективизм и рационализм, ценностно-нейтральная методология изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами географического пространства и культурными явлениями. Типичными сюжетами научных исследований были выявление выраженности последних в ландшафте, связи ландшафта с культурой местного сообщества, роли ландшафтных факторов в генезисе культурно-географических различий, а также пространственный анализ культуры.

Ситуация стала меняться с рубежа 1960–70-х годов под влиянием так называемого культурного поворота, затронувшего, наряду со многими социальными и гуманитарными науками, и все общественно-географические дисциплины (Jackson, 1997). Правда, вопрос о временных рамках “культурного поворота” в географии остается дискуссионным (Cultural Turns ..., 2018); так, постулаты классической хронологической концепции А. Геттнера и Р. Хартшорна и даже некоторые идеи К. Зауэра стали подвергаться ревизии еще в середине XX в. Но быстрое сближение западной географии человека с науками о культуре началось лишь в последней трети века, причем этот процесс был двусторонним; наряду с культурным поворотом в географии в это же время отмечался и “пространственный поворот” в социальных и гуманитарных науках. С 1970-х годов стала быстро развиваться так называемая гуманистическая география (*humanistic geography*) – новое исследовательское направление, отвергшее позитивизм и провозгласившее своей мировоззренческой основой феноменологию и герменевтику. В англо-американской географической науке работы приверженцев нового направления кардинально преобразили контент и проблемное поле культурно-географических исследований. Прежнюю культурную географию все более стала вытеснять “новая культурная география”. Феноменологический подход стал использоваться в ней как способ работы в смысловом поле пространственных отношений и значений фактов и явлений культуры. Для приверженцев новой культурной географии пространство культурных феноменов – это не столько пространство материальных объектов как таковых, но, прежде всего, пространство смыслов (Стрелецкий, 2002).

Но уже с рубежа XX–XXI вв. гуманистическая и новая культурная география Запада, в свою оче-

редь, также начинают неуклонно сдавать позиции. Нарастающее междисциплинарное взаимодействие в социогуманитарной сфере — процесс позитивный, способствующий идейному, концептуальному, методологическому, методическому взаимообогащению разных наук. Но у него есть и оборотная сторона: перспектива утраты той или иной дисциплиной своей научной идентичности. Новая культурная география, ранее почти вытеснив на периферию исследовательского поля прежние, традиционные культурно-географические направления, столкнулась с угрозой раствориться в смежных гуманитарных, негеографических науках. Чрезмерный акцент на “репрезентациях смыслов”, пространствах символов, изучении образов пространства и т.д. сопровождался недостаточным вниманием культур-географов новой генерации к повседневным практикам людей и местных сообществ, их культурному наследию, материальной стороне культурного ландшафта, культурно детерминированному природопользованию и многим другим насущным вопросам.

С конца XX в. и особенно в XXI в. новая культурная география стала все более проигрывать конкуренцию так называемой критической географии. Последняя перехватила целый ряд важных культурно-географических тем и способствовала в некоторой степени “рематериализации” культурной географии (Cultural Geography ..., 2005). Отчасти критическая география пришла и на смену так называемой радикальной географии, зародившейся еще в 1970-е годы, почти синхронно с гуманистической. Критическая география, как и радикальная, фокусирует свое внимание, в том числе и на географических проблемах неравенства, но не только социально-экономического; для критической географии чрезвычайно важны как раз *культурные аспекты* этой темы, включая межэтническое, межконфессиональное, гендерное неравенство, права меньшинств как особых социокультурных групп и др. (Placing ..., 2021). Кроме того, в сравнении с радикальной географией она менее политизирована, носит более академический характер и в большей степени опирается на достижения современных социальных и гуманитарных наук, особенно культурной антропологии и социологии. При этом зарубежная критическая география во всей своей многоцветной палитре развивается отнюдь не только на культурно-географическом поле и выходит далеко за его рамки. Вместе с тем для самой мировой культурной географии начала XXI в. данное критическое направление — лишь одно из нескольких.

В российском географическом дискурсе наряду с термином “культурная география”, широко используется и иной — “география культуры”, но контент этих словосочетаний не идентичен. Правда в широком смысле “география культуры”

многими российскими авторами зачастую отождествляется с “культурной географией”; в конце XX в. словосочетание “география культуры” имело даже большее хождение в русскоязычной литературе. Первые диссертации, защищенные в постсоветской России по культурно-географической проблематике¹ позиционировались именно как работы по “географии культуры”; именование “культурная география” стало ее вытеснять примерно с рубежа веков, что было связано с нарастающей интеграцией отечественной географической науки в мировую (Феномен ..., 2014). Однако этот вопрос не чисто терминологический, но содержательно-концептуальный. Отечественный термин “география культуры” фокусирует внимание главным образом на размещенческих исследовательских задачах (в русле аналогичных и традиционных хронологических парадигм в географии населения и хозяйства первой половины XX в.), но имеющих в начале XXI в. малый вес в мировой культурной географии (Стрелецкий, 2012).

В более узком смысле под географией культуры в России понимается совокупность научных направлений, изучающих территориальную организацию разных сфер объективированной культуры — от артефактов до ментифактов, от высокого профессионального искусства до народной, бытовой и (в России, правда, географами мало изучаемой) массовой культуры. В фокусе исследований географии культуры — онтология культурно-географических различий на земном шаре (от места к месту, от района к району). Культурная география же в целом предлагает существенно более широкую палитру исследований: ее интересует не только “культура в географическом пространстве”, но и “географическое пространство в культуре” (Стрелецкий, 2012).

Формирование российской культурной географии в конце XX — начале XXI вв. происходило, в целом, в русле общемировых тенденций развития этой научной дисциплины, но со значительным временным лагом (в ряде трендов — с задержкой на несколько десятилетий), а также имело некоторые специфические (и очень существенные) особенности.

ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ: ИСТОКИ, ТРАДИЦИИ, НОВЕЙШИЕ ТРЕНДЫ

Одна из визитных карточек российской культурной географии — культурно-ландшафтное исследовательское направление. В России, в отличие

¹ Первая из них была защищена А.Г. Дружининым (1995); знаковым событием стала также публикация первой научной монографии по географии культуры, имевшей общероссийский территориальный охват (Суший, Дружинин, 1994).

от стран Запада, культур-географы обратились к культурному ландшафту только в позднесоветский период; характерно, что именно с культурно-ландшафтными тем в нашей стране, как и в США в 1920-е годы, началось развитие культурной географии как самостоятельной научной дисциплины. При этом российские культур-географы успешно использовали богатейший научный опыт советского физико-географического ландшафтоведения, в котором возникли в XX в. исследовательские школы мирового уровня и значения.

Понятие культурного ландшафта было переосмыслено и реконцептуализировано отечественными культур-географами, введено в культурно-географический нарратив еще в конце XX в. “Ноосферная” концепция культурного ландшафта, предложенная Ю.А. Ведениным (1990) и переосмысливающая традиции советской географической науки², имела первостепенное значение для становления российской культурной географии. В его трактовке культура входит в ландшафт через потоки энергии и информации; культурные ландшафты — не просто рукотворные, но и наполненные духовным содержанием. Целостная, логичная, но жестко структурированная схема Ю.А. Веденина не имеет ярко выраженных зарубежных аналогов и мало вписывается в мейнстрим мировой культурной географии последних десятилетий. Современные культур-географы англо-саксонских, франкофонских и других национальных школ в подходе к культурному ландшафту большей частью избегают жестких противопоставлений материальной и духовной культуры, культурного наследия и живой культуры, традиционной и новационной культуры и т.д.

В России, в научном сообществе которой районирование считается одной из наиболее важных национальных географических традиций, представителями данного научного направления было выполнено много полимасштабных исследований по культурно-ландшафтному районированию. Территориальными полигонами этих работ были как все пространство России (Андреев, 2012; Веденин, 2004; Туровский, 1998), так и отдельные историко-культурные либо административные регионы страны. Ю.А. Веденин и его коллеги стояли также у истоков российских исследований культурных ландшафтов как объектов наследия (Культурные ..., 2004; и др.). Современные исследования в этой области сфокусированы на разработке территориальных подходов к изуче-

нию и сохранению культурных ландшафтов (В фокусе ..., 2017; Веденин, 2018; Сельские ..., 2013; и др.), а также на практических вопросах номинации культурных ландшафтов как объектов Всемирного наследия (Кулешова, 2018; и др.).

В российской культурной географии сформировались и иные подходы к исследованию культурных ландшафтов. Работы В.Н. Калущкова, выпущенные еще в 1990–2000-е годы, легли в основу его монографии “Ландшафт в культурной географии” (2008). Во многом они возрождали традиции *средового подхода* в культурном ландшафтоведении, в том числе классическое научное наследие Карла Зауэра. В модели В.Н. Калущкова во главу угла поставлены природный ландшафт и местное сообщество людей в их тесном взаимодействии. Также к базовым компонентам культурного ландшафта отнесены: хозяйство (его традиционный тип), селитьба, язык и духовная культура. Это последовательно культуроцентричная модель культурного ландшафта (пять из шести базовых компонентов культурного ландшафта относятся к культурной сфере). Для становления российской культурной географии большое значение имели региональные культурно-ландшафтные исследования В.Н. Калущкова, его последователей и соратников, прежде всего на Севере Европейской России. Ими были детально исследованы традиционные формы селитьбы, вписанные в северорусский культурный ландшафт, локальная и региональная ландшафтная топонимия, ландшафтно-ориентированный фольклор, подготовлен и опубликован обширный картографический материал. Работы В.Н. Калущкова 2010-х годов (2016, 2021 и др.) в значительной мере центрированы на категориях “места”, “имени” и “палимпсеста”; в этом нарративе приобретает новые грани и понятие культурного ландшафта. Палимпсестный подход позволяет изучать историческую трансформацию культурного ландшафта, выявлять его полужатертые и забытые слои, рассматривать как многослойный феномен (Калущков, 2021).

Работы В.Л. Каганского по культурному ландшафту близки по своему подходу западной “феноменологии ландшафта”, особенно бурно развивавшейся в “гуманистической” и “новой культурной” географии в последние десятилетия XX в. Вместе с тем огромное влияние на представления автора о культурном ландшафте оказали труды Б.Б. Родомана (2002; Rodoman, 2021 и др.) — известного российского географа, теоретика географии. В.Л. Каганским (2001, с. 61) подчеркивается фактическая тождественность культурного ландшафта и ландшафта вообще: культурный ландшафт — это одновременно земное и семантическое пространство; каждое место имеет свой смысл, связанный с природной основой ландшафта и его пространственным положением.

² Культурный ландшафт, по Ю.А. Веденину (1990, с. 7), многослоен: включает природный (естественную и преобразованную природу) и культурный пласты. В культурном слое выделяются, по разным основаниям классификации, страты материальной и духовной культуры; культурного наследия и “живой”, современной культуры; в последней — элементы традиционной и новационной культуры.

Культурный ландшафт — это всегда сплошная среда, в нем зачастую невозможно (а то и не разумно) разделять тесно сплетенные друг с другом природные и культурные компоненты; он интегрирует “пространство повседневности”, а смысловое в нем нельзя оторвать от прагматического. Поэтому именно культурно-ландшафтный подход жизненно необходим при решении локальных, региональных и даже глобальных географических проблем (Каганский, 2020 и др.).

Большой вклад в отечественное культурное ландшафтоведение внесла М.В. Рагулина — автор книги “Культурная география: теории, методы, региональный синтез” (2004). Концепция культурного ландшафта, представленная в этой монографии, центрирована на понятии жизнеобеспечения локальных сообществ, а ее теоретические положения хорошо апробированы на результатах многолетних авторских исследований этнических сообществ Восточной Сибири и историко-географического анализа взаимодействия соответствующих этнокультурных ландшафтов. В новой монографии М.В. Рагулиной (2015) предпринята попытка синтеза разных (теоретически несхожих и контрастирующих) направлений современных культурно-ландшафтных исследований с опорой на так называемый интегральный подход (претендующий на выявление всеобъемлющей взаимосвязи всех страт человеческой деятельности в русле “холистической” философии постмодерна) американского философа Кена Уилбера (2006; и др.).

Культурный ландшафт, несмотря на отмеченные выше существенные различия в его трактовках, выступает стержневым, базовым понятием еще сравнительно молодой российской культурной географии. Именно с культурно-ландшафтных исследований и теоретических разработок началось ее формирование в конце XX в., вокруг этого концепта выстраиваются самые разные конкретные направления отечественных культурно-географических исследований и в начале XXI в. Работам по культурному ландшафту, так или иначе, отдали дань все ведущие российские культур-географы. Концепт культурного ландшафта — важное звено в современной cultural geography, но, как показывает мировой опыт, одно из нескольких ключевых в ряду равноположенных. Приоритетное же внимание именно к культурному ландшафту отражает специфику российской культурной географии.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Для России с ее колоссальным этнокультурным разнообразием огромное значение имеет этно- и конфессионально-географическая проблематика. Российская *этнокультурная география*

выросла из прежней советской *этнической географии* — научной дисциплины в структуре географии населения, тесно связанной со смежными негеографическими науками, прежде всего с этнографией, разными историческими науками, демографией, социологией. В СССР этническая география развивалась стабильно и в целом успешно, пережив свой максимальный подъем в 1960–70-е годы (школа В.В. Покшишевского—С.И. Брука—В.И. Козлова). Ее основной задачей было изучение географического распространения этнических и субэтнических общностей, в том числе на локальном уровне (вопросов этнического расселения). Разумеется, собственно культурно-географические сюжеты в работах советских этногеографов также рассматривались, но большей частью в совместных исследованиях с этнографами³.

К концу советской эпохи этническая идентичность стала трактоваться в России (как и во всем научном мире) как ключевая категория этнологии⁴, и это имело одним из следствий своего рода культурный поворот в отечественных этногеографических исследованиях. Отечественная этническая география стала активно осваивать культур-антропологическую и культурно-географическую проблематику. На рубеже XX–XXI вв. этническая география уже рассматривалась как одно из ведущих направлений формирующейся российской культурной географии; его главной задачей позиционировалось исследование проблем этнической идентичности в географическом ключе (Культурная ..., 2001, с. 37–38). При этом в самой трактовке этничности и этнической идентичности в России (в том числе и среди географов) примордиалистские подходы были распространены значительно шире и дольше, чем в западных странах, где уже в последней четверти XX в. таковые стали все более проигрывать конкуренцию конструктивистским концепциям этничности. Этнический примордиализм широко представлен в российской этнокультурной географии и в начале 2020-х годов⁵.

³ Так, мировое признание в третьей четверти XX в. получила советская географо-этнографическая школа М.Г. Левина—Н.Н. Чебоксарова—Б.В. Андрианова, разработавшая концепцию хозяйственно-культурных типов народов мира и проводившая уникальные работы по их картографированию на разные исторические срезы.

⁴ В советской этнографии роль этнического самосознания как важнейшего индикатора этничности долгое время недооценивалась (в сравнении с другими элементами последней — язык, общность происхождения и др.).

⁵ Например, многие этно- и культур-географы (особенно представители петербургской географической школы) разделяют примордиалистскую концепцию этногенеза Л.Н. Гумилёва (1912–1992). Идеи этого крупного мыслителя — этнолога и географа — о взаимосвязи этноса и “вмещающего” ландшафта оказали огромное влияние на развитие современной российской этнокультурной географии.

В России, в которой на протяжении длительной советской эпохи регионализм (в том числе низовой регионализм) был сильно подавлен, а региональное самосознание размывалось, именно *этнические рубежи* выступали (а отчасти выступают и по сей день) наиболее яркими, очевидными и контрастными маркерами дифференциации культурного пространства страны (Streletsky, 2017). Правда быстрое возрождение культурного регионализма в русскоязычном ядре страны в постсоветские годы дает основание считать данный тезис уже менее жестким и однозначным. Но все равно роль этнических границ в российском пространстве остается колоссальной, а этногеографические сюжеты сохраняют весомое значение в российских культурно-географических исследованиях.

За постсоветский период в России произошли существенные этногеографические и этнокультурные сдвиги, ставшие предметом исследования российских географов, в том числе на уровне всей страны (Манаков, 2018, 2019; Safronov, 2014; Streletsky, 2017); подробно рассматривалась и трансформация расселения разных этносов России за постсоветский период. Проводились работы по комплексному этногеографическому и этнодемографическому картографированию регионов страны (Белозеров, 2005; Этнический ..., 2014; Belozеров, 2016). Большое внимание уделялось специфике этнокультурных ландшафтов в разных частях России (Дегтева, 2016; Лысенко, 2009), процессам адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах (Савоскул, 2011), влиянию этнокультурных факторов на эволюцию сельского расселения (Имангулов и др., 2021), значению этнокультурных традиций в землепользовании для развития современного сельского хозяйства (частый сюжет в работах Т.Г. Нефедовой).

Конец XX — начало XXI вв. — период быстрого развития в России этнической экологии — науки самостоятельной, но тесно связанной с культурной географией (Ямсков, 2013; и др.). Этноэкологический подход широко используется современными российскими культур-географами (особенно в исследованиях традиционного природопользования и систем жизнеобеспечения разных этносов, в том числе малочисленных). Вместе с тем взаимодействие с географией имеет большое значение и для самой этноэкологии; ряд лидеров современных научных школ пришли в этноэкологию из географии в позднесоветские и постсоветские годы. В 2006 г. была защищена первая докторская диссертация по географическим основам этнической экологии (Гладкий, 2006).

Одно из наиболее социально значимых, актуальных (и при этом сравнительно хорошо известных в зарубежных странах) научных направлений — куль-

турно-географические исследования коренных малочисленных народов Арктики, Сибири, российского Дальнего Востока, специфики их расселения и демографии, традиционного природопользования и хозяйства, систем жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры. В становлении этого междисциплинарного направления огромное значение имел опыт смежных (этноэкологических и культурно-антропологических) исследований, проводившихся в советскую эпоху; еще в 1970-е годы известным антропологом В.П. Алексеевым было разработано учение об антропоценозах; немного позднее И.И. Крупником (1989) — более общее учение об этноэкосистемах. В фокусе внимания работающих в этой области российских культур-географов — прежде всего, связь традиционного природопользования малочисленных народов с географическим ландшафтом; по этой проблематике в 2000–2020-е годы было проведено немало глубоких и серьезных научных исследований (Клоков, 2012, 2016; Рагулина, 2000; Территории ..., 2005; Schmidt et al., 2015).

Другим приоритетным направлением в этнокультурной географии становится исследование этноконтактных зон (Герасименко, Филимонова, 2011; Лысенко и др., 2011; Манаков, 2019; и др.), их делимитации, структуризации, а также соотношения этнической и региональной идентичности в таких поликультурных регионах. В частности, как показано в исследованиях Т.И. Герасименко по Оренбургско-Казахстанскому порубежью, конвергенция культур часто становится по прошествии времени географической реальностью, несмотря на то, что представители разных этносов изначально осваивают разные экологические ниши. Но адаптация к ландшафту делает возможным постепенное сближение разных этнокультурных групп; региональные этнические контакты интенсифицируются, а это благоприятствует формированию устойчивых пространственных связей и, как следствие, ведет к складыванию общей региональной идентичности, несмотря на сохраняющиеся этнокультурные различия (Герасименко, 2018, 2020).

Российские культур-географы вместе с политико-географами широко участвуют также в междисциплинарных исследованиях по этноконфликтологии, географии этнонационализма, этнического сепаратизма, региональным этнополитическим проблемам. Обзор наиболее значимых из этих работ представлен в другой статье данного номера журнала, написанной В.А. Колосовым, М.В. Зотовой и Н.Л. Туровым. Ведущий в России центр исследований в этой области — Лаборатория геополитических исследований Института географии РАН; важные работы ведутся также географами университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Ростова-на-Дону, Ставрополя, а

также учеными двух других российских институтов географии (в Иркутске и Владивостоке).

Оформление *конфессиональной географии* как нового исследовательского направления в рамках отечественной культурной географии фактически произошло лишь в 1990-е годы, после возврата религии в общественную жизнь. В этой связи перед представителями научных кругов встал вопрос о необходимости выбора пути дальнейшего развития исследовательских направлений в религиозных дисциплинах, в том числе и в географии религии. Российские географы религии пошли по пути “догоняющего развития” (Горохов, 2019), наверстывая упущенное и ориентируясь на западные школы.

Основателем современной отечественной школы конфессиональной географии по праву считается П.И. Пучков — географ по образованию, доктор исторических наук, создатель Центра изучения религий и этноконфессионального картографирования ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН [автор первой отечественной монографии по географии религий в нашей стране (Пучков, 1975), конфессиональных разделов в энциклопедических изданиях “Страны и народы”, “Народы и религии мира”, сотен статей, посвященных географии мировых религий — в том числе в границах России].

Тем не менее в современной России наблюдается явный дефицит работ по конфессиональной географии. Представление об особенностях ее развития в определенной степени дает анализ диссертационных исследований. За тридцатилетний период существования Российской Федерации в нашей стране были защищены 14 кандидатских и 1 докторская диссертация, так или иначе связанные с этим научным направлением.

Большинство из них выполнены в рамках синтетического подхода, который получил широкое распространение с начала последней трети XX в. после выхода книги *Geography of Religions* Д. Софера (1967). Этот труд совершил поистине революционный переворот в современной конфессиональной географии, способствовал расширению тематики исследований и росту популярности междисциплинарных проектов.

Около половины диссертаций было посвящено проблемам собственно конфессиональной географии (Горина, 2011; Горохов, 2017; Захаров, 2019; Сафронов, 1998; и др.); другие же были выполнены на стыке конфессиональной географии и других направлений: социальной и политической географии (Горохов, 1999; Дементьев, 2019; и др.), географии культурного наследия, рекреационной географии.

К началу 2020-х годов в России сложились два крупных научных центра исследований по географии религии: академическо-университетский

Московский (Институт географии РАН, Институт Африки РАН, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Московский педагогический государственный университет) и университетский Санкт-Петербургский (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого). Каждый из упомянутых центров имеет свою специализацию в области географии религий.

Санкт-Петербургский центр в отраслевом отношении представлен, прежде всего, *церковной* [*ecclesiastical geography*, по Э. Исааку (Isaac, 1965)] *географией* (Balabeykina and Martynov, 2017), *исторической* (Манакон, Дементьев, 2018) и *политической* (Gladkiy et al., 2017) *географией религий*. Основной территориальный полигон исследований представителей Санкт-Петербургского центра — Балтийский регион, включая его российскую часть (Balabeykina and Martynov, 2015; Manakov and Dementiev, 2019).

Московский центр, несмотря на институциональную дихотомию, образован, прежде всего, представителями формирующейся научной школы, возглавляемой одним из авторов настоящей статьи (С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев, И.А. Захаров, М.М. Агафшин, И.С. Мартынов, О.А. Терещук, И.В. Петрушев). Их объединяет не только научное происхождение по линии научный руководитель—аспирант/магистрант, но и единство взглядов, и отраслевая специализация: *теория географии религии* (Горохов, 2014, 2020; Gorokhov, 2019; Gorokhov and Dmitriev, 2016), *пространственная экспансия западнохристианских (Римско-католической и протестантских) церквей* (Горохов, 2016; Захаров, 2020; и др.); *география религиозных конфликтов* (Dmitriev et al., 2020) и др. Большое значение для становления конфессиональной географии в России имели работы С.Г. Сафронова (автора первого диссертационного исследования по географии религий в нашей стране, конфессиональных разделов Национального атласа России, многих публикаций по географии Русской православной церкви и др.). Основные территориальные полигоны исследований специалистов Московского центра — Россия (Сафронов, 2001; Сафронов, 2013; и др.), Индия (Горохов, Дмитриев, 2016; и др.), страны Европы (Агафшин, Горохов, 2019; и др.) и Африки (Захаров, 2019, 2020; Захаров и др., 2020).

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Важная особенность культурно-географических исследований в постсоветской России — формирование такого кластера исследовательских направлений, тем и сюжетов, как *гумани-*

тарная география. Этот термин используется, главным образом, для обозначения совокупности тесно взаимосвязанных направлений в российской науке, изучающих “закономерности формирования и развития систем представлений о географическом пространстве (в сознании отдельных людей, социальных, этнокультурных, расовых групп и др.), согласно которым человек организует свою деятельность на конкретной территории” (Замятина, Митин, 2007, с. 151). Ядро гуманитарной географии (в трактовке Д.Н. Замятина) составляют имажинальная география, мифогеография, когнитивная география, сакральная география и ряд других гуманитарных направлений. Сам термин “гуманитарная география” был предложен культурологом и географом Д.Н. Замятиным (1999), по этой проблематике им опубликовано около десятка авторских монографий, в том числе (2014, 2020 и др.). Много работ опубликовано также последователями и соратниками Д.Н. Замятина (Митин, 2004; Лавренова, 2010; Геокультуры ..., 2017; и др.).

Аналогичные (либо сходные) исследовательские направления с последней четверти XX в. (начала культурного поворота, о котором речь шла выше) широко представлены и в других национальных школах культурной географии. Но в России с начала XXI в. их обычно объединяют под общей шапкой гуманитарной географии, позиционирующей свое определенное методологическое сходство, обусловленное, в частности, общностью задач исследования представлений о географическом пространстве в разных социокультурных контекстах. Весомое значение имеет и то обстоятельство, что в России внутри позиционируемой таким образом гуманитарной географии сложился определенный костяк исследователей (профессиональное сообщество); одни и те же авторы широко вовлечены в разные по контенту исследования — от работ по когнитивной географии до моделирования и репрезентации географических образов.

В современной же зарубежной географии нет общепризнанного специального термина, интегрирующего разные направления, характерные для российской гуманитарной географии. В англоязычной литературе термин *humanitarian geography* вообще не получил распространения — в отличие от созвучных, но отличных по контенту терминов *humanistic geography* (работы таких авторов, как Yi-Fu Tuan, E. Relph, D. Cosgrove, N. Entrikin и др.) и *human geography* (покрывает все предметное поле экономической, социальной, культурной и политической географии).

Формирование гуманитарной географии сыграло исключительно позитивную роль в развитии российской культурной географии конца XX — начала XXI вв., существенно расширило спектр ее исследований; в российской культурной геогра-

фии возникли новые научные направления, уже представленные в зарубежных научных школах, открылись новые перспективные горизонты научного поиска.

Возникает вопрос, как соотносятся российская культурная география и гуманитарная география (в данной трактовке). По мнению И.И. Митина, в России “гуманитарная география по своему фактическому содержанию “поглотила” все основные культурно-географические темы” (2011, с. 23); “можно с уверенностью говорить об окончательном формировании гуманитарной географии как своеобразного направления, служащего российской версией культурной географии” (2011, с. 25). Однако данное утверждение сильно упрощает и редуцирует реальную и полифоничную картину развития российской культурной географии в конце XX — первые десятилетия XXI вв. Таковая отнюдь не ограничивается лишь изучением систем представлений о пространстве, ее предметное поле существенно шире. Взаимосвязь географического пространства и культуры — многогранная и многоаспектная; методологические подходы к исследованию разных сторон этой взаимосвязи также чрезвычайно разнообразны (от сциентизма до феноменологии). И это характерно как для мировой культурной географии, так и для российской.

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Территориальная идентичность — одна из разновидностей культурных идентичностей: она является собой систему сложившихся представлений людей об их принадлежности к определенной территориальной группе, территориальному культурному сообществу. Каждая ее ячейка формируется на уровне индивида (чувство особой связи конкретного человека с тем или иным местом, с той или иной территорией), но как социокультурный факт территориальная идентичность утверждается, проявляется и манифестируется как идентичность коллективная, собственно и формирующая местное или региональное сообщество (Стрелецкий, 2021). Последнее цементируется не только общими представлениями и ценностями, разделяемыми их акторами, но и общими интересами таковых, возникающими в связи с территорией проживания.

Территориальная идентичность — типичный пример междисциплинарных исследований, в которые наряду с географами широко вовлечены социологи, историки, социо- и культур-антропологи, этнологи, культурологи, специалисты в области политической регионалистики, социальной психологии и др. Вместе с тем работы социологов, антропологов, политологов по территориальной

идентичности, за редкими исключениями, не сфокусированы на проблемном поле географической науки, территориальная идентичность рассматривается ими в контексте предмета исследований соответствующих социальных наук. Пространственный аспект в этих работах — далеко не самый главный, само пространство интерпретируется в ракурсе, весьма отличном от принятого в географическом научном дискурсе. Такова, в частности, концепция “социального пространства” во многих ее существующих разновидностях (в том числе у Г. Зиммеля и других классиков социологии). Но главное — вне поля зрения (или почти вне него) здесь оказывается ключевой для культурной географии вопрос: роль разных свойств (качеств) географического пространства в выстраивании социокультурных взаимодействий и их территориальных конфигураций. Не случайно один из ведущих российских географов-обществоведов Л.В. Смирнягин (1935–2016), внесший в конце XX — начале XXI вв. весомый вклад в развитие российской культурной географии, весьма скептически оценивал перспективы использования теоретического багажа и методического инструментария социологической науки в географических исследованиях (Смирнягин, 2016). И хотя часто озвучивавшийся им тезис о том, что у социологов “пространство — это только метафора” (Смирнягин, 2011, с. 179; и др.), крайне уязвим для критики, принципиально различные подходы социологов и географов к феномену территориальной идентичности не вызывают сомнений.

Первопроходцами в исследованиях территориальной идентичности среди географов были основоположники западной гуманистической географии, провозгласившей своей главной целью изучение восприятия и осмысления человеком (индивидами и группами людей) окружающего их географического пространства. Ключевыми понятиями этой научной школы стали пространство (*space*) и место (*place*), идейными манифестами — труды британо-канадского географа Э. Релфа (1976) и американского географа китайского происхождения И-Фу Туана (1977). Нарратив места, писал И-Фу Туан, предполагает не фиксацию локации как таковую, но чувственный опыт — особое отношение людей к своему жизненному пространству, выражающееся в широком спектре эмоций и восприятий, порождаемых специфическими качествами этой местности, событиями, которые там переживают люди, и их исторической памятью.

В вопросе о масштабных уровнях *территориальной идентичности* нет единства мнений. В работах западных географов обычно выделяют два ее основных иерархических уровня — локальный и региональный. Но встречаются и более дробные классификации, в том числе интерпретирующие национальную идентичность как один из

уровней территориальной (на уровне отдельных стран). Кроме того, разброс мнений по вопросу таксономических уровней территориальной идентичности отражает и полифонию самих терминов (Стрелецкий, 2021). Так, культурные регионы — это не только территориальные части отдельных стран, но зачастую и целые сообщества, объединяющие несколько или даже много стран; соответственно, под региональной идентичностью могут пониматься разные таксономические звенья — как внутристрановые, так и межгосударственные, а также трансграничные.

Для России, с ее огромным пространством и культурно-географическим разнообразием, исследования территориальной идентичности имеют колоссальное значение. В постсоветские годы возрождение культурного регионализма стало очевидным фактом, привлечшим пристальное внимание российских географов. Поворотным событием для российской культурной географии стала монография М.П. Крылова (1952–2015) “Региональная идентичность в Европейской России” (2010), подготовленная на основе защищенной им несколькими годами ранее в Институте географии РАН докторской диссертации (2007). Для российской культурной географии данная работа во многих отношениях была прорывной, ибо позволила по-новому осмыслить эволюцию и специфику культурного пространства России, преодолеть некоторые бытовавшие в данной области стереотипы. Российские историки, этнографы, географы много писали о сравнительной этнокультурной гомогенности значительной части российского пространства (в пределах основной полосы расселения), высокой степени сходства ключевых черт культуры и образа жизни, общности культурных архетипов поведения разных территориальных сообществ этнических русских, заселивших обширные земли от Европейской России до тихоокеанского побережья. Отсюда часто делался вывод о “недооформленности”, неразвитости культурного регионализма, малой контрастности внутрироссийских регионально-культурных различий, подкреплявшийся ссылками на классические работы выдающихся российских мыслителей конца XIX — начала XX вв. (П.Н. Милюкова, В.С. Соловьёва, отчасти П.Н. Савицкого и др.), писавших об отсутствии в России укорененных “исторических провинций”. Работы же М.П. Крылова (2007, 2010 и др.) показали, что, по крайней мере, в Европейской России существует развитая региональная идентичность, причем как сравнительно автономный культурный феномен, устойчивый по отношению к внешним социально-экономическим или политическим воздействиям. Важно подчеркнуть, что территориальными полигонами культурно-географических исследований М.П. Крылова выступали преимущественно “русские” регионы (области) Европейской Рос-

сии, в то время как национальные республики, за редкими исключениями, не рассматривались. В своих работах автор стремился как бы вынести за скобки роль этнического фактора в регионализации культуры, фокусируя свое внимание на территориальной идентичности как таковой, а не на трансформации последней в гетерогенной этнокультурной среде.

Число публикаций, посвященных культурно-географическим аспектам исследований территориальной идентичности в России, заметно выросло в 2010-е — начале 2020-х годов (Вендина и др., 2021; Гриценко, Крылов, 2012; Казакова, 2017; Павлюк, 2015; Пузанов, 2012; и др.). В данном тренде нашло отражение осознание российскими географами теоретической значимости и практической востребованности научной разработки вопросов, на которые до конца XX в. в отечественной географии не обращалось, к сожалению, должного внимания; большое значение имел также учет российскими географами богатейшего опыта исследований в зарубежной культурной географии. В этот же период было опубликовано немало работ по территориальной идентичности российскими социологами, политологами, антропологами. Особо отметим работы политолога М.В. Назукиной по уральской (2015) и дальневосточной (2021) идентичности, опубликованные в ведущем российском географическом журнале и близкие культурно-географическому дискурсу. В работах отечественных социологов особенно большое внимание уделяется сибирской идентичности и идентичности Юга России, но культурно-географической фокусировки им зачастую не хватает.

В исследованиях территориальной идентичности в работах российских культур-географов в начале XXI в. был широко представлен дискурс *вернакулярных районов*. Это понятие (от английского *vernacular* — местный, свойственный той или иной местности; обыденный; народный; общеупотребительный — как антоним научному) появилось в англосаксонской (преимущественно в североамериканской) географии еще в 1960-е годы. Заимствован данный термин был из лингвистики, в которой им обозначаются региональные языки, диалекты и локальные (местные) говоры. Вернакулярными называют районы, бытующие в обыденном сознании общества (Социально-экономическая ..., 2013, с. 35); в российской географии иногда их прямо называют “обыденными районами”. Вернакулярные районы существуют в самосознании местного населения вне прямой связи с границами административно-территориальных единиц, ибо формируются стихийно и органично, в процессе длительной культурной истории регионального или локального социума. Впрочем, иногда совпадают и границы вернакулярных районов и административных образова-

ний и их названия. Бывают случаи, когда название вернакулярного района настолько вошло в культуру местного социума, что оно вытесняет прежнее наименование административно-территориальной единицы. Или же происходит ребрендинг старых (а то и фактически утраченных) названий как одна из разновидностей “социального конструирования реальности”. Яркий пример можно привести из новейшей истории России: в 2003 г. очень давний (но многими забытый) вернакулярный топоним Югра вошел в официальное наименование Ханты-Мансийского автономного округа.

Пик интереса к вернакулярным районам в культурной географии (особенно отчетливо — в США) пришелся на вторую половину 1960-х — конец 1970-х годов. Но уже к концу XX в. в странах Запада проблематика вернакулярных районов потеряла свою популярность и многими культур-географами ныне рассматривается как пройденный этап. Вернакулярные районы стали восприниматься некоторыми ведущими западными культур-географами как нечто рудиментарное, фольклорно-этнографическое, уступающее по своей значимости и актуальности ключевым взаимосвязям между местом, пространством, ландшафтом и культурной идентичностью.

В России же, где до конца XX в. исследования вернакулярных районов фактически не проводились, напротив, “вернакулярный бум” пришелся как раз на начало XXI в. Это весьма симптоматично и может, вероятно, рассматриваться очередным аргументом в пользу расхожего мнения о трендах преимущественно “догоняющего развития” российской культурной географии на фоне мировой (что, однако, является серьезным упрощением реальной ситуации). Как и в других больших странах, в России существуют вернакулярные районы разного масштабного уровня. Среди них есть и крупные, сохраняющие свою яркую специфику в обыденном сознании некоторой (в наши дни, безусловно, меньшей!) части населения соответствующих регионов.

Особенность российских исследований вернакулярных районов в сравнении с таковыми в странах Запада (отчетливо проявившаяся с начала 2010-х годов) — фокусировка внимания прежде всего на микроуровне (главным образом внутригородском); в эти исследования, наряду с географами, широко вовлечены урбанисты, урбосоциологи, архитекторы. Их важными центрами выступают в последние годы Высшая школа урбанистики Научно-исследовательского университета “Высшая школа экономики” и Институт экономики города в Москве, географический факультет Московского университета. Наиболее значимые работы в этой области были выполнены К.А. Пузановым

(2012), С.Г. Павлюком (2015), Г.М. Казаковой (2017).

В конце XX — первые десятилетия XXI в. процессы глобализации, международные миграции, тренды постиндустриального развития, формирование цифровой экономики сильно повлияли на упрочение экстерриториальных связей и взаимодействий между людьми и социальными группами. *Сетевая идентичность* становится все более существенным конкурентом традиционной территориальной: постепенно утрачивается привязанность индивида к дому, конкретному месту, локальному сообществу. Связи человека с территорией меняются, приобретают все более мобильный характер, социокультурные основания самоидентификации становятся более диверсифицированными. Территориальная идентичность, отличавшаяся в прошлые исторические эпохи своей *эксклюзивностью*, все более наполняется *инклюзивным* контентом. Так люди, покидающие места, где они выросли и где проживали многие поколения их предков, частично интегрируются в новые, принимающие территориальные сообщества⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, развитие российской культурной географии как самостоятельной дисциплины, одной из ветвей географической науки, было в постсоветский период органично вписано в мировой контекст; ее эволюцию отличали схожие тренды с общемировыми. При этом географическая и этнокультурная специфика самой России (колоссальные размеры территории, ее огромная протяженность в меридиональном и широтном отношении, сложность этноцивилизационной истории, этнического и конфессионального состава населения, глубокая поляризация российского пространства, доходящая до гипертрофии социокультурного потенциала столицы относительно размеров государства) находит прямое отражение в характере и особенностях культурно-географических исследований в нашей стране. Отметим несколько специфических черт, отличающих на мировом фоне именно российскую культурную географию. Среди них — особая значимость культурно-ландшафтного исследовательского на-

правления (в первое постсоветское десятилетие ставшего своеобразным триггером возрождения российской культурной географии); большой вес этнокультурной составляющей в проблематике культурно-географических исследований, сохраняющаяся связь последних с этнологией, унаследованная во многом от советской эпохи (а заложенная еще раньше, в период тесного взаимодействия русской дореволюционной антропогеографии с этнографией). Одна из ярких особенностей российской культурной географии — большое внимание к культуре малочисленных аборигенных народов Арктики и Субарктики, Сибири и Дальнего Востока. Здесь прослеживаются очевидные параллели в развитии культурной географии в России, Канаде, странах Фенноскандии. С начала XXI в. важным направлением развития российской культурной географии стали исследования территориальной идентичности (на региональном и локальном уровнях).

Вместе с тем некоторые направления культурно-географических исследований получили в России значительно меньшее распространение, чем за рубежом (в частности, в зарубежной континентальной Европе и в странах англо-саксонской географической традиции). Так, в России пока очень слабо представлено такое направление, как география массовой культуры, ставшее с последних десятилетий прошлого века чрезвычайно популярным в западных странах, особенно англо-саксонских. В ведущих журналах по культурной географии (*Cultural Geographies*; *Journal of Cultural Geography*; *Social and Cultural Geography*) доля статей, имеющих прямое или косвенное отношение к географии массовой культуры, во втором десятилетии XXI в. достигала в отдельные годы 25–30% от общего числа публикаций. В России такие работы представлены по большинству аспектов скорее единичными исследованиями. Также мало географических работ, прослеживающих связь пространств традиционной и современной культуры [одна из немногих — диссертация А.А. Соколовой (2013)].

Культурно-географические исследования имеют не только теоретическое, но и огромное прикладное, практическое значение. Так, в зарубежной географии человека в последние несколько десятилетий большое внимание уделяется исследованиям территориальных различий в системах ценностей и влиянию таковых на пространственную организацию экономики и социума. Результаты культурно-географических исследований представляют в данном случае особую и несомненную ценность. В российской географии, однако, таких исследований сравнительно немного, роль культурных факторов в пространственном социально-экономическом развитии явно недооценивается. В этом отношении значение международного опыта научных исследований, накопленного в

⁶ В этой связи отчетливо проявляются культурно-географические последствия феномена “транслокальности”, фиксирующего множественность идентичностей внутри одной и той же группы людей (Arradugaí, 1995; и др.). Возникают “транслокальные диаспоры”, усиливается ситуативность, изменчивость самоидентификации людей; в географических работах подчеркивается особая значимость в ней когнитивных (поступающей информации, “гибкого” знания) и рефлексивных (сфокусированности на себя самих, саморефлексии) компонентов. Мобильности и множественности идентичностей в условиях глобализации сопутствует подвижность, а зачастую и размываемость культурных границ, разделяющих территориальные сообщества.

том числе в мировой культурной географии, для российского научного сообщества трудно переоценить. Ибо понятия нормативной культуры, модели поведения, человеческого, социального, символического капитала приобретают важное, во многих случаях первостепенное, значение как инструменты познания и осмысления процессов социально-экономического развития и его географической дифференциации.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена в Институте географии РАН по теме государственного задания ИГ РАН АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

FUNDING

The article was prepared within the framework of the state-ordered research theme of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, no. АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафшин М.М., Горохов С.А. Пространственная динамика ислама в странах ЕС // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Естественные науки. 2019. № 1. С. 8–20.
- Андреев А.А. Опыт культурно-ландшафтного районирования России // Псков. регион. журн. 2012. № 13. С. 12–25.
- Белозеров В.С. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2005. 299 с.
- В фокусе наследия: Сб. статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. М.: Институт географии РАН, 2017. 688 с.
- Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1. С. 5–17.
- Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2004. С. 338–383.
- Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый Хронограф, 2018. 472 с.
- Ведина О.И., Гриценко А.А., Зотова М.В., Зиновьев А.С. Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 4. С. 565–578.
- Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования / под ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Изд-во “Канон+”, РООИ “Реабилитация”, 2017. 504 с.
- Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. 2018. № 13 (2). С. 152–161.
- Герасименко Т.И. Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности // Юг России: Экология, развитие. 2020. Т. 15. № 3. С. 144–154.
- Герасименко Т.И., Филимонова И.Ю. Оренбургско-казахстанское порубежье: историко-этнографический и этногеографический аспекты. Оренбург: ОГУ, 2011. 160 с.
- Горохов С.А. География религии в России и за рубежом: история развития и новые вызовы // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 3. С. 439–467.
- Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
- Гладкий И.Ю. Географические основы этнической экологии: Дисс. ... д-ра геогр. наук. СПб., 2006. 380 с.
- Горина К.В. Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: Дисс. ... канд. геогр. наук. Улан-Удэ, 2011. 165 с.
- Горохов С.А. География религиозно-общинных конфликтов в Индии: Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 1999. 196 с.
- Горохов С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Изв. РАН. Сер. геогр. 2014. № 2. С. 21–30.
- Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: Дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 2017. 394 с.
- Горохов С.А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 6. С. 26–34.
- Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 406. С. 56–63.
- Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126–140.
- Дегтева Ж.Ф. Пространственная организация этнокультурных ландшафтов Якутии: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2016. 23 с.
- Дементьев В.С. Трансформация поселенческой и этноконфессиональной структуры населения Псковского региона в XVIII – начале XXI вв.: Дисс. ... канд. геогр. наук. Псков, 2019. 232 с.
- Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географического исследования культуры: Дисс. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1995.
- Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
- Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: ИЦ “Гуманитарная Академия”, 2014. 592 с.
- Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий. СПб.: Алетей, 2020. 668 с.

- Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. М.: Изд-во БРЭ, 2007. Т. 8. С. 151.
- Захаров И.А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX–начале XXI веков: Дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2019. 168 с.
- Захаров И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки. М.: Институт Африки РАН, 2020. 148 с.
- Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX–начале XXI века // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 3. С. 359–368.
- Имангулов Л.Р., Максименко М.Р., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. Влияние этнокультурного фактора на эволюцию сельского расселения на примере полиэтнических районов Башкирии и Марий Эл // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2021. № 1. С. 109–119.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
- Каганский В.Л. Российский Байкал как глобальная культурная проблема // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. № 2. С. 301–309.
- Казакова Г.М. “Вернакулярный район” как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65.
- Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Калуцков В.Н. “Имя” в географии: от топонима к гео-концепту // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 100–107.
<https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>
- Калуцков В.Н. О концептуализации географического пространства России и Ближнего Зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 924–935.
- Клоков К.Б. Современное положение оленеводов и оленеводства в России // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 38–51.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.: ИГ РАН, 2007. 54 с.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Изд-во “Новый хронограф”, 2010. 240 с.
- Кулешова М.Е. Культурные ландшафты, их место в Списке Всемирного наследия и перспективы российского представительства // Наследие и современность. 2018. № 1 (4). С. 111–130.
- Культурная география / науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: РНИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, 2001. 192 с.
- Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2004. 620 с.
- Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Ин-т Наследия, 2010. 330 с.
- Лысенко А.В. Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования, тенденции развития: Дисс. ... д-ра геогр. наук. Ставрополь, 2009. 328 с.
- Лысенко А.В., Водопьянова Д.С., Азанов Д.С. Этноконтактные зоны Северного Кавказа // Вестн. Ставропольского гос. ун-та, 2011. Вып. 74. С. 56–61.
- Манаков А.Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псков. гос. ун-т, 2018. 208 с.
- Манаков А.Г. Трансформация этнического пространства России в XVIII–XIX вв.: историко-географический анализ // Изв. РГО. 2019. Т. 151. № 1. С. 17–28.
- Манаков А.Г., Дементьев В.С. Динамика конфессионального состава населения Псковского региона во второй половине XIX в. // Религиоведение. 2018. № 1. С. 92–102.
- Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.
- Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история вос(становления) и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 19–25.
- Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 6. С. 37–47.
- Назукина М.В. Мифы и реальность дальневосточного регионализма: внешний образ и идентичность макрорегиона // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 2. С. 195–204.
- Павлюк С.Г. Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Районы, штаты и города США. К 80-летию юбилею Л.В. Смирнягина / отв. ред. С.А. Тархов. М.: МГУ, 2015. Т. 1. С. 339–347.
- Пузанов К.А. Стереотипы внутригородских районов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2012. Т. 5. № 2. С. 13–18.
- Пучков П.И. Современная география религий. М.: Наука, 1975. 184 с.
- Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги. Мотивация и структура природопользования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 163 с.
- Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 171 с.
- Рагулина М.В. Культурный ландшафт: интегральный взгляд. Ульяновск: Зебра, 2015. 147 с.
- Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сб. статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
- Савоскул М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг

- общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 103–112.
- Сафронов С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 1998. 200 с.
- Сафронов С.Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект. М.: Моск. Центр Карнеги, 2001. 100 с.
- Сельские культурные ландшафты: Рекомендации по сохранению и использованию / под ред. М.Е. Кулешовой. М.: ЭкоЦентр “Заповедники”, 2013. 220 с.
- Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 177–186.
- Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 4. С. 7–19.
- Соколова А.А. Геопространство в традиционной и современной культуре: российский контекст. СПб., 2013. 474 с.
- Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
- Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
- Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33.
- Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: Дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 2012. 310 с.
- Стрелецкий В.Н. Территориальная идентичность как тема исследований в зарубежной географии в конце XX и первые десятилетия XXI века // Региональные исследования. 2021. № 3 (73). С. 62–75.
- Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
- Территории традиционного природопользования Восточной Сибири. Географические аспекты обоснования и анализа / отв. ред. Л.М. Корытный. Новосибирск: Наука, 2005. 212 с.
- Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: РНИИ культурного и природного наследия, 1998. 210 с.
- Феномен культуры в российской общественной географии / под ред. А.Г. Дружинина, В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 536 с.
- Этнический атлас Ставропольского края / В.С. Белозеров, А.Н. Панин, В.В. Чихичин и др. Ставрополь: Изд-во ФОК-Юг, 2014. 314 с.
- Ямсков А.Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 49–64.
- Appadurai A. The Production of Locality: Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge / R. Fardon (Ed.). London: Routledge, 1995. P. 204–225.
- Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: Past and Present // Baltic Region. 2015. Is. 4 (26). P. 113–121.
- Balabeykina O.A., Martynov V.L. The Denominational Space of Modern Sweden: Christianity // Baltic Region. 2017. V. 9. № 3. P. 87–98.
- Belozеров V.S. The ethnic map of Stavropol krai: Space-time dynamics for the last half-century // Reg. Res. Rus. 2016. V. 6. № 4. P. 366–374.
- Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts / D. Sibley, P. Jackson, D. Atkinson, N. Washbourne (Eds.). London, N.Y.: I.B. Tauris, 2005. 224 p.
- Cultural Turns / Geographical Turns. Perspectives on Cultural Geography. 3rd Ed. / S. Naylor, J. Ryan, I. Cook, D. Crouch (Eds.). Milton Park, Abingdon, UK; N.Y., USA: Routledge, Taylor & Francis, 2018. 404 p.
- Dmitriev R.V., Gorokhov S.A., Zakharov I.A. Spatial Expansion of Islamic Extremism in the Lake Chad Basin: Current Situation and Prospective Directions // Filosofia Theoretica. 2020. V. 9. № 1. P. 47–62.
- Druzhinin A.G., Streletsky V.N. “Cultural Branch” of Human Geography in Contemporary Russia: Genesis, Main Peculiarities, and Priorities of Development // Reg. Res. Rus. 2015. V. 5. № 1. P. 73–82.
- Gibson Chr., Waitt G. Cultural Geography // Int. Encyclopedia of Human Geogr. (Chapter “C”) / A. Kobayashi (Ed.). Amsterdam; London; Oxford: Elsevier, 2020. P. 99–110.
- Gladkiy Yu.N., Gladkiy I.Yu., Eidemiller K.Yu. Islamic Diffusion in the Baltics: the Fruit of European Multiculturalism // Baltic Region. 2017. V. 9. № 3. P. 30–44.
- Gorokhov S.A. The Cyclical Movement of Religions: From Unity toward ... Unity // Herald Rus. Acad. Sci. 2019. V. 89. № 4. P. 388–395.
- Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World // Geogr. and Natural Res. 2016. V. 37. № 2. P. 93–99.
- Isaac E. Religious Geography and the Geography of Religion // Man and the Earth (Univ. of Colorado Studies, Series in Earth Sci.). 1965. № 3. P. 1–14.
- Jackson J.B. Geography and the Cultural Turn // Scottish Geogr. Magazine. 1997. V. 113. № 3. P. 186–188.
- Klovov K. Reindeer Herders’ Communities of the Siberian Taiga in Changing Social Contexts // Sibirica. 2016. V. 15. № 1. P. 81–101.
- Manakov A.G., Dementiev V.S. Territorial Structure of the Denominational Space of the South-East Baltic // Baltic Region. 2019. V. 11. № 1. P. 92–108.
- Placing Critical Geography: Historical Geographies of Critical Geography / L.D. Berg, U. Best, M. Gilmartin, H.G. Larsen (Eds.). Oxford, UK: Taylor & Francis Ltd., Routledge, 2021. 342 p.
- Relf E. Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
- Rodoman B.B. “Polarized Landscape”: Half a Century Later // Reg. Res. Rus. 2021. V. 11. № 3. P. 315–326.

- Safronov S.G. Territorial structure of the confessional space in Russia and other post-Soviet states // *Reg. Res. Rus.* 2013. V. 3. № 2. P. 204–210.
- Safronov S.G. Transformations in ethnic population composition in Russia in 1989–2010 // *Reg. Res. Rus.* 2014. V. 4. № 1. P. 38–46.
- Sauer C.O. The Morphology of Landscape // *Univ. of California Publ. in Geogr.* 1925. № 2. P. 19–53.
- Schmidt J.I., Aenesen M., Hausner V.H., Klovov K.B., Khrutshev S. Demographic and Economic Disparities among Arctic Regions // *Polar Geogr.* 2015. V. 38. № 4. P. 251–270.
- Sopher D. Geography of Religions. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 128 p.
- Streletsky V. Ethnic, Confessional and Cultural Patterns of Regionalism in the Post-Soviet Russia // *Hung. Geogr. Bul.* 2017. V. 66. № 3. P. 219–233.
- The Sage Handbook of Human Geography / R. Lee, N. Castree, R. Kitcin, V. Lawson, A. Paasi, Ch. Philo, S. Radcliffe, S.M. Roberts, Ch. Withers (Eds.). London–Sydney–Maynooth, Ireland–Washington–Oulu, Finland–Glasgow–Cambridge, UK–Lexington (Kentucky), USA–Edinburgh: Sage Publ., 2014. 840 p. Chapter 22: Culture (by Patricia L. Price). P. 505–521.
- Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. 235 p.

Cultural Geography in Russia at the Beginning of the 21st Century: National Specifics and Development Trends

V. N. Streletsky^{1, *} and S. A. Gorokhov^{1, 2, **}

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*e-mail: vstreletski@mail.ru

**e-mail: stgorohov@yandex.ru

The article reviews and analyzes trends in the development of Russian cultural geography at the beginning of the 21st century, its specific features, and the latest scientific achievements with respect to the evolution of cultural geography in Western countries. Similarities and differences in the transformation of the main theoretical approaches, scientific methods, and subject areas of specific cultural and geographical studies in foreign countries and Russia are revealed. The most important thematic sections of the article cover the most significant segments of cultural and geographical research in Russia in the 2000s–early 2020s. It is shown that the main focus in the formation of Russian cultural geography (after several decades of neglecting anthropocultural approaches in the Soviet period) was cultural landscape science. The latest advances of Russian cultural geographers in the field of cultural landscape for the first decades of the 21st century are characterized. Domestic ethnic geography, which developed during the Soviet period as part of population geography, is gradually transforming to ethnocultural. Much attention is paid to the correlation of ethnic and regional identity in polyethnic regions, ethnocultural aspects of the geography of natural resource use, cultural geography of the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East. Religious geography is a new direction of cultural geography for Russia, which has gained great relevance in the post-Soviet period in the revival of religious life in a country characterized by exceptional complexity and the diverse religious composition of the population. The article discusses and analyzes the experience of Russian developments in humanitarian geography—a set of research areas focused on studying systems of ideas about the geographic space in different sociocultural contexts. The great practical significance of cultural and geographical research and the possibility of their use for regional development and optimization of the spatial organization of society are emphasized.

Keywords: human geography, cultural turn in geography, cultural geography, place and space, cultural landscape, regional and local identity, Russian geographical tradition

REFERENCES

- Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Spatial dynamics of Islam in EU countries. *Vestn. Mosk. Gos. Obl. Univ., Ser. Estestv. Nauki*, 2019, no. 1, pp. 8–20. (In Russ.).
- Andreev A.A. Cultural and landscape zoning of Russia. *Pskov. Regionol. Zh.*, 2012, no. 13, pp. 12–25. (In Russ.).
- Appadurai A. *The Production of Locality*. In *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. Fardon R., Ed. London: Routledge, 1995, pp. 204–225.
- Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: past and present. *Balt. Reg.*, 2015, no. 4 (26), pp. 113–121.
- Balabeykina O.A., Martynov V.L. The denominational space of modern Sweden: Christianity. *Balt. Reg.*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 87–98.
- Belozarov V.S. *Eticheskaya karta Severnogo Kavkaza* [Ethnic Map of North Caucasus]. Moscow: OGI Publ., 2005. 299 p.
- Belozarov V.S., Panin A.N., Chikhichin V.V. et al. *Eticheskii atlas Stavropol'skogo kraya* [Ethnic Atlas of Stavropol Krai]. Stavropol: FOK-Yug Publ., 2014. 314 p.

- Belozerov V.S. The ethnic map of Stavropol krai: space–time dynamics for the last half-century. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 366–374.
- Cultural Geography: A Critical Dictionary of Key Concepts*. Sibley D., Jackson P., Atkinson D., Washbourne N., Eds. London: I.B. Tauris, 2005. 244 p.
- Cultural Turns/Geographical Turns: Perspectives on Cultural Geography*. Naylor S., Ryan J., Cook I., Crouch D., Eds. London: Routledge, 2018, 3rd ed. 404 p.
- Degteva Zh.F. Spatial organization of ethnocultural landscapes of Yakutia. *Extended Abstract of Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Irkutsk, 2016. 23 p.
- Dementiev V.S. Transformation of the settlement and ethno-confessional structure of the population of Pskov region in the 18th–early 21st centuries. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Pskov, 2019. 232 p.
- Dmitriev R.V., Gorokhov S.A., Zakharov I.A. Spatial expansion of Islamic extremism in the Lake Chad basin: current situation and prospective directions. *Filos. Theor.*, 2020, vol. 9, no. 1, pp. 47–62.
- Druzhinin A.G. Theory and methods of the geographical study of culture. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. St. Petersburg, 1995.
- Druzhinin A.G., Streletskiy V.N. “Cultural branch” of human geography in contemporary Russia: genesis, main peculiarities, and priorities of development. *Reg. Res. Russ.*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 73–82.
- Fenomen kul'tury v rossiiskoi obshchestvennoy geografii* [Phenomenon of Culture in Russian Human Geography]. Druzhinin A.G., Streletskiy V.N., Eds. Rostov-on-Don: Yuzh. Fed. Univ., 2014. 536 p.
- Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: Analysis and Applied Studies]. Zamyatin D.N., Romanova E.N., Eds. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. 504 p.
- Gerasimenko T.I., Filimonova I.Yu. *Orenburgsko-kazakhstanskoe porubezh'e: istoriko-etnograficheskii i etno-geograficheskii aspekty* [Orenburg-Kazakhstan Borderland: Historical, Ethnographic, and Ethnogeographical Aspects]. Orenburg: Orenb. Gos. Univ., 2011. 160 p.
- Gerasimenko T.I. Ethnocontact zones in the geocultural space of Russia. *Gumanit. Vektor*, 2018, no. 13 (2), pp. 152–161. (In Russ.).
- Gerasimenko T.I. The main factors in the transformation of regional and ethnic identity. *Yug Ross.: Ekol., Razvit.*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 144–154. (In Russ.).
- Gibson C., Waitt G. Cultural geography. In *International Encyclopedia of Human Geography*. Kobayashi A., Ed. Amsterdam: Elsevier, 2020, pp. 411–424.
- Gladkiy I.Yu. Geographic principles of ethnic ecology. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. St. Petersburg, 2006. 380 p.
- Gladkiy Yu.N., Gladkiy I.Yu., Eidemiller K.Yu. Islamic diffusion in the Baltics: the fruit of European multiculturalism. *Balt. Reg.*, 2017, vol. 9, no. 3, pp. 30–44.
- Gorina K.V. Geographic specifics of the development of the confessional space of Zabaykalsky krai. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Ulan-Ude, 2011. 165 p.
- Gorokhov S.A. The geography of religious-communal conflicts in India. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 1999. 196 p.
- Gorokhov S.A. Confessional geospace as the study object of geography of religions. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2014, no. 2, pp. 21–30. (In Russ.).
- Gorokhov S.A. Christianity in the age of globalization: main trends in spatial development. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2016, no. 6, pp. 26–34. (In Russ.).
- Gorokhov S.A. Dynamics of the confessional geospace of the world in conditions of religious competition. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 2017. 394 p.
- Gorokhov S.A. The geography of religion in Russia and abroad: history of development and new challenges. *Vopr. Istor. Estestvozn. Tekh.*, 2019a, vol. 40, no. 3, pp. 439–467. (In Russ.).
- Gorokhov S.A. The cyclical movement of religions: from unity toward ... unity. *Herald Russ. Acad. Sci.*, 2019b, vol. 89, no. 4, pp. 388–395.
- Gorokhov S.A. *Geografiya religii: Tsikly razvitiya global'nogo konfessional'nogo prostranstva* [Geography of Religions: Development Cycles of the Global Confessional Space]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2020. 235 p.
- Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world. *Geogr. Nat. Resour.*, 2016a, vol. 37, no. 2, pp. 93–99.
- Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. The demography of religious communities in India at the beginning of the 21st century. *Vestn. Tomsk. Gos. Univ.*, 2016b, no. 406, pp. 56–63. (In Russ.).
- Gritsenko A.A., Krylov M.P. Ethnocultural gradient: regional identity and historical memory in neighboring regions of Russia and Ukraine. *Kul't. Gumanit. Geogr.*, 2012, vol. 1, no. 2, pp. 126–140. (In Russ.).
- Imangulov L.R., Maksimenko M.R., Savoskul M.S., Sifronov S.G. The influence of the ethnocultural factor on evolution of rural settlement by the example of the polyethnic regions of Bashkiria and Mari El. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2021, no. 1, pp. 109–119. (In Russ.).
- Isaac E. Religious geography and the geography of religion. In *Man and the Earth*. Univ. Colo. Stud. Ser. Earth Sci., no. 3. Boulder, CO: Univ. of Colorado Press, 1965, pp. 1–14.
- Jackson J.B. Geography and the cultural turn. *Scott. Geogr. Mag.*, 1997, vol. 113, no. 3, pp. 186–188.
- Kaganskii V.L. *Kul'turnyi landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: Novoe Liter. Obozr. Publ., 2001. 576 p.
- Kaganskii V.L. Russian Baikal as a global cultural problem. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2020, no. 2, pp. 301–309. (In Russ.).

- Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2008. 320 p.
- Kalutskov V.N. "Name" in geography: from toponym to geoconcept. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2016, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.).
<https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-100-107>
- Kalutskov V.N. Conceptualization of the geographical space of Russia and Russia's near abroad (according to the data on geographical objects' renaming). *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, vol. 85, no. 6, pp. 924–935. (In Russ.).
- Kazakova G.M. "Vernacular region" as a condition for the intensification of social processes. *Sotsiol. Issled.*, 2017, no. 9, pp. 57–65. (In Russ.).
- Klovov K.B. The current situation of reindeer herders and reindeer farming in Russia. In *Sever i severnyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and North Residents. The Current Situation of the Indigenous People of the North, Siberia, and the Far East of Russia]. Moscow: Inst. Etnol. Antropol., 2012, pp. 38–51. (In Russ.).
- Klovov K. Reindeer herders' communities of the Siberian taiga in changing social contexts. *Sibirica*, 2016, vol. 15, no. 1, pp. 81–101.
- Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenovodov Severnoi Evrazii* [Arctic Ethnoecology: Models of Traditional Natural Resource Use of Sea Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 272 p.
- Krylov M.P. Regional identity in European Russia. *Extended Abstract of Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Inst. Geogr., Russ. Acad. Sci., 2007. 54 p.
- Krylov M.P. *Regional'naya identichnost' v Evropeiskoi Rossii* [Regional Identity in European Russia]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2010. 240 p.
- Kuleshova M.E. Cultural landscapes, their place on the World Heritage List and prospects for Russian representation. *Nasledie Sovrem.*, 2018, no. 1 (4), pp. 111–130. (In Russ.).
- Kul'turnaya geografiya* [Cultural Geography]. Vedenin Yu.A., Turovskii R.F., Eds. Moscow: Ross. Nauchno-Issled. Inst. Kul't. Prir. Naslediya im. D.S. Likhacheva, 2001. 192 p.
- Kul'turnyi landshaft kak ob"ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Site]. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E., Eds. Moscow: Inst. Naslediya, 2004. 620 p.
- Lavrenova O.A. *Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: The Semantics of the Cultural Landscape]. Moscow: Inst. Naslediya, 2010. 330 p.
- Lysenko A.V. Cultural landscapes of the North Caucasus: structure, specific formation, and prospective development. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Stavropol, 2009. 328 p.
- Lysenko A.V., Vodop'yanova D.S., Azanov D.S. Ethno-contact zones of the North Caucasus. *Vestn. Stavropol. Gos. Univ.*, 2011, no. 74, pp. 56–61. (In Russ.).
- Manakov A.G. *Etnokul'turnoe prostranstvo Rossii: struktura i geodinamika s XVIII veka* [Ethnocultural Space of Russia: Structure and Geodynamics Since the 18th Century]. Pskov: Pskov. Gos. Univ., 2018. 208 p.
- Manakov A.G. Transformation of the ethnic space of Russia in the 18th–19th centuries: historical and geographical analysis. *Izv. Russ. Geogr. O-va*, 2019, vol. 151, no. 1, pp. 17–28. (In Russ.).
- Manakov A.G., Dementiev V.S. Dynamics of the confessional composition of the population of the Pskov region in the second half of the 19th century. *Religiovedenie*, 2018, no. 1, pp. 92–102. (In Russ.).
- Manakov A.G., Dementiev V.S. Territorial structure of the denominational space of the south-east Baltic. *Balt. Reg.*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 92–108.
- Mitin I.I. *Kompleksnye geograficheskie kharakteristiki. Mnozhestvennye real'nosti mest i semiozis prostranstvennykh mifov* [Complex Geographical Characteristics. Multiple Realities of Places and the Semiosis of Spatial Myths]. Smolensk: Oikumena Publ., 2004. 160 p.
- Mitin I.I. Cultural geography in the USSR and post-Soviet Russia: history of recovery and identity factors. *Mezhdunar. Zh. Issled. Kul't.*, 2011, no. 4 (5), pp. 19–25. (In Russ.).
- Nazukina M.V. Urals macroregion in the system of territorial identities of modern Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2015, no. 6, pp. 37–47. (In Russ.).
- Nazukina M.V. Myths and reality of Far Eastern regionalism: external image and identity of the macroregion. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, vol. 85, no. 2, pp. 195–204. (In Russ.).
- Pavlyuk S.G. Key problems in the studies of vernacular regions. In *Raiony, shtaty i goroda SShA. K 80-letnemu yubileyu L.V. Smirnyagina* [Regions, States, and Cities of the United States. To the 80th Anniversary of L.V. Smirnyagin]. Tarkhov S.A., Ed. Moscow: Mosk. Gos. Univ., 2015, vol. 1, pp. 339–347. (In Russ.).
- Placing Critical Geography: Historical Geographies of Critical Geography*. Berg L.D., Best U., Gilmartin M., Larsen H.G., Eds. London: Routledge, 2021. 342 p.
- Price P.L. Culture. In *The Sage Handbook of Human Geography*. Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S.M., Withers Ch., Eds. London: SAGE, 2014, ch. 22, pp. 505–521.
- Puchkov P.I. *Sovremennaya geografiya religii* [Modern Geography of Religions]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 184 p.
- Puzanov K.A. Stereotypes of intracity districts. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2012, vol. 5, no. 2, pp. 13–18. (In Russ.).
- Ragulina M.V. *Korennye etnosy sibirskoi taigi. Motivatsiya i struktura prirodopol'zovaniya* [Indigenous Ethnic Groups of the Siberian Taiga. Motivation and Structure of Natural Resource Use]. Novosibirsk: Sib. Otd., Ross. Akad. Nauk, 2000. 163 p.

- Ragulina M.V. *Kul'turnaya geografiya: teorii, metody, regional'nyi sintez* [Cultural Geography: Theories, Methods, and Regional Synthesis]. Irkutsk: Inst. Geogr., Sib. Otd., Ross. Akad. Nauk, 2004. 171 p.
- Ragulina M.V. *Kul'turnyi landschaft: integral'nyi vzglyad* [Cultural Landscape: The Complex View]. Ulyanovsk: Zebra Publ., 2015. 147 p.
- Relf E. *Place and Placelessness*. London: Pion Publ., 1976. 156 p.
- Rodoman B.B. *Polyarizovannaya biosfera. Sbornik statei* [The Polarized Biosphere. Collected Articles]. Smolensk: Oikumena Publ., 2002. 336 p.
- Rodoman B.B. "Polarized landscape": half a century later. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 315–326.
- Safronov S.G. Geographical aspects of the study of the religious sphere of Russia. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 1998. 200 p.
- Safronov S.G. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v kontse XX veka: territorial'nyi aspekt* [The Russian Orthodox Church at the End of the 20th Century: The Territorial Aspect]. Moscow: Mosk. Tsentr Karnegi, 2001b. 100 p.
- Safronov S.G. Territorial structure of the confessional space in Russia and other post-Soviet states. *Reg. Res. Russ.*, 2013b, vol. 3, no. 2, pp. 204–210.
- Safronov S.G. Transformations in ethnic population composition in Russia in 1989–2010. *Reg. Res. Russ.*, 2014, vol. 4, no. 1, pp. 38–46.
- Sauer C.O. *The Morphology of Landscape*. Univ. Calif. Publ. Geogr., vol. 2, no. 2. Berkeley, CA: Calif. Univ. Press, 1925, pp. 19–53.
- Savoskul M.S. Adaptation strategies for ethnic migrants in local communities. *Monit. Obshch. Mneniya: Ekon. Sots. Peremeny*, 2011, no. 5 (105), pp. 103–112. (In Russ.).
- Schmidt J.I., Aenesen M., Hausner V.H., Klovov K.B., Khrutshev S. Demographic and economic disparities among Arctic regions. *Polar Geogr.*, 2015, vol. 38, no. 4, pp. 251–270.
- Sel'skie kul'turnye landshafty: Rekomendatsii po sokhraneniyyu i ispol'zovaniyu* [Rural Cultural Landscapes: Recommendations for Conservation and Use]. Kuleshova M.E., Ed. Moscow: Zapovedniki, 2013. 220 p.
- Smirnyagin L.V. Regional identity and geography. In *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a Subject of Political Analysis]. Semenenko I.S., Fadeeva L.A., Eds. Moscow: Nats. Issled. Inst. Mirovoi Ekon. Mezhdunar. Otnosh., Ross. Akad. Nauk, 2011, pp. 177–186. (In Russ.).
- Smirnyagin L.V. The geographical space in the social sciences. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2016, no. 4, pp. 7–19. (In Russ.).
- Sokolova A.A. *Geoprostranstvo v traditsionnoi i sovremennoi kul'ture: rossiiskii kontekst* [Geospace in Traditional and Modern Culture: Russian Context]. St. Petersburg, 2013. 474 p.
- Sopher D. *Geography of Religions*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. 128 p.
- Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik* [Socioeconomic Geography: Concepts and Terms. Dictionary-Handbook]. Gorkin A.P., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2013. 328 p.
- Streletsky V.N. Geographical space and culture: theoretical attitudes and scientific paradigms in cultural geography. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2002, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
- Streletsky V.N. Cultural geography in Russia: peculiarities of formation and paths of development. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 5, pp. 21–33. (In Russ.).
- Streletsky V.N. Cultural regionalism in Germany and Russia. *Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 2012. 310 p.
- Streletsky V. Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia. *Hung. Geogr. Bull.*, 2017, vol. 66, no. 3, pp. 219–233.
- Streletsky V.N. Territorial identity as a subject of foreign geography in late 20th century and the first decades of 21st century. *Reg. Issled.*, 2021, no. 3 (73), pp. 62–75. (In Russ.).
- Sushchii S.Ya., Druzhinin A.G. *Ocherki geografii russkoi kul'tury* [Essays on Geography of Russian Culture]. Rostov-on-Don: Sev.-Kavk. Nauchn. Tsentr, 1994. 576 p.
- Territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya Vostochnoi Sibiri. Geograficheskie aspekty obosnovaniya i analiza* [Territories of Traditional Natural Recourse Use in Eastern Siberia. Geographic Aspects of Justification and Analysis]. Korytnyi L.M., Ed. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 212 p.
- Tuan Y.-F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977, 2nd ed. 235 p.
- Turovskii R.F. *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow: Ross. Nauchno-Issled. Inst. Kul't. Prir. Naslediya, 1998. 210 p.
- Vedenin Yu.A. Development of the cultural landscape and its study. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1990, no. 1, pp. 5–17. (In Russ.).
- Vedenin Yu.A. Experience of cultural-landscape description of large regions of Russia. In *Kul'turnyi landschaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Object]. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E., Eds. Moscow: Inst. Naslediya, 2004, pp. 338–383.
- Vedenin Yu.A. *Geografiya naslediya. Territorial'nye podkhody k izucheniyu i sokhraneniyyu naslediya* [Geography of Heritage. Territorial Approaches to the Study and Conservation of Heritage]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2018. 472 p.
- Vendina O.I., Gritsenko A.A., Zotova M.V., Zinovyev A.S. Identity of Kaliningraders: influence of social beliefs on the choice of self-identification. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 533–542.
- V fokuse naslediya. Sbornik statei, posvyashchennyy 80-letiyu Yu.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya imeni D.S. Likhacheva* [In the Focus of Heritage: Collection of Research Papers Dedicated to the 80th Anniversary of Yu.A. Vedenin and 25th Anniversary of Establishment of the Likhachev Russian Re-

- search Institute for Cultural and Natural Heritage]. Kuleshova M.E., Ed. Moscow: Inst. Geogr., Ross. Akad. Nauk, 2017. 688 p.
- Yamkov A.N. The history of development of national ethnecology. *Etnogr. Obozr.*, 2013, no. 4, pp. 49–64. (In Russ.).
- Zakharov I.A. Transformation of the confessional space of Africa in the 20th–beginning of the 21st centuries. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation*. Moscow, 2019. 168 p.
- Zakharov I.A. *Geografiya religii: transformatsiya konfessional'nogo prostranstva Afriki* [The Geography of Religions: Transformation of the Confessional Space of Africa]. Moscow: Inst. Afr., Ross. Akad. Nauk, 2020. 148 p.
- Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Transformation of the confessional space of Africa in the 20th–beginning of the 21st century. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2020, no. 3, pp. 359–368. (In Russ.).
- Zamyatin D.N. *Modelirovanie geograficheskikh obrazov. Prostranstvo gumanitarnoi geografii* [Modeling of Geographical Forms. The Space of Humanitarian Geography]. Smolensk: Oikumena Publ., 1999. 256 p.
- Zamyatin D.N. *Postgeografiya. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov* [Postgeography. Capital(ism) of Geographical Forms]. St. Petersburg: Gumanit. Akad., 2014. 592 p.
- Zamyatin D.N. *Geokul'turnyi brending gorodov i territorii* [Geocultural Branding of Cities and Territories]. St. Petersburg: Aletya Publ., 2020. 668 p.
- Zamyatina N.Yu., Mitin I.I. Humanitarian geography. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Ross. Entsiklopediya Publ., 2007, vol. 8, pp. 151. (In Russ.).